

Российский опыт

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82

Александр Георгиевич ЛАРИН

Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Нахимовский проспект, 32, Москва, 117997, Российская Федерация
aleklarin@yandex.ru

Китайская диаспора в России

АННОТАЦИЯ. На современном этапе тезис о «китайской демографической угрозе» отошел далеко на задний план, но не исчез из массового сознания, парадоксальным образом сочетаясь с возросшими симпатиями к Китаю. Труд китайских мигрантов, распространяясь по всей стране, играет особо заметную роль в экономике российского Дальнего Востока. В ряде мест и ряде отраслей китайские мигранты конкурируют с россиянами и даже вытесняют их с рынка; в других случаях их труд признается необходимым. Российские власти проводят политику постепенного ограничения иностранного, в том числе китайского, труда, как в целях облегчения трудоустройства собственных граждан, так и из геополитических соображений. Обратная сторона этой политики – ухудшение и без того не слишком благоприятного инвестиционного климата в стране. Российская администрация слабо контролирует хозяйственную деятельность китайских мигрантов и даже динамику их численности, но при этом тяготеет к сдаче в аренду китайской стороне крупных сельскохозяйственных и лесных угодий, не стремясь максимально использовать трудовой потенциал собственного народа и создавая ситуацию, чреватую нанесением ущерба экономиче-

скому суверенитету страны, что вызывает протесты общественности. Образовательную миграцию из Китая в Россию, не отличающуюся большими объемами, сдерживает комплекс причин, включая неблагоприятные условия жизни в России. Главной же причиной является низкий рейтинг российского диплома на международном рынке труда, в том числе в самом Китае, и весьма скромные возможности, которые он открывает для карьерного роста. Начинаящееся сопряжение Евразийского экономического союза и Экономической полосы Шелкового пути, по-видимому, откроет более широкие возможности привлечения китайских трудовых мигрантов к подъему российской экономики, однако их профессиональный состав едва ли качественно изменится. Взрывной рост их количества может произойти, если ЕАЭС и Китаем будет принято решение о создании зоны свободной торговли. Однако в обозримом будущем это представляется маловероятным. Китайская диаспора, будучи безусловно полезной для России, одновременно несет ей и целый ряд рисков. Их можно устранить или смягчить, наладив четкий контроль и регулирование деятельности мигрантов, но для этого необходимо усовершенствовать механизм управления экономикой страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «китайская угроза», полезность китайской диаспоры, конкуренция китайских мигрантов с россиянами, ограничения китайского труда, контроль за деятельностью мигрантов, китайская диаспора как источник вызовов, образовательная миграция из Китая, ки-

тайская миграция и зона свободной торговли

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ларин А.Г. (2017). Китайская диаспора в России. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 65-82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82

Russian Experience

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82

Alexander G. LARIN

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
32, pr. Nakhimovsky, Moscow, Russian Federation, 117997
alekclarin@yandex.ru

Chinese Diaspora in Russia

ABSTRACT. *At the present stage, the thesis of the “Chinese demographic threat” has decreased to the lowest level, but has not disappeared completely from the mass consciousness, paradoxically combining with increased sympathy for China. The work of Chinese migrants, spreading throughout the country, plays a particularly significant role in the economy of the Russian Far East. In a number of places and a number of industries, Chinese migrants compete with Russians and even drive them out of the market; In other cases, their work is recognized as necessary. The Russian authorities pursue a policy of gradual restriction of foreign, including Chinese, labor, both to facilitate the employment of their own citizens, and to achieve geopolitical goals. The reverse side of this policy is the worsening of the already not very favorable investment climate in the country. The Russian administration has little control over the economic activities of Chinese migrants and even the dynamics of their numbers, but at the same time it tends to lease to the Chinese side large agricultural and forest territories,*

not seeking to maximize the labor potential of its people and creating a situation impending damage to the country’s economic sovereignty, that causes public outcry. Educational migration from China to Russia, which is not very large, is constrained by a set of causes, including unfavorable living conditions in Russia. The main reason is the low rating of the Russian diploma in the international labor market, including in China itself, and the very modest opportunities that it opens for career growth. The conjugation of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt, apparently, will open up wider opportunities for attracting Chinese labor migrants to the rise of the Russian economy, but their professional structure will hardly change qualitatively. The explosive growth of their number can occur if the EAEU and China decide to establish a free trade zone. However, this is unlikely in the foreseeable future. The Chinese diaspora, being undoubtedly useful for Russia, simultaneously carries a number of risks to it. They can be eliminated or mitigated by establishing clear control

and regulation of migrants' activities, but for this it is necessary to improve the mechanism of managing the economy of the country.

KEYWORDS: *"the Chinese threat", the usefulness of the Chinese diaspora, the competition of Chinese migrants with Russians, the limitation of Chinese labor, control over the activities of migrants, the Chinese diaspora as a source of challenges, educational migration from China, Chinese migration and a free trade zone*

FOR CITATION: Larin A.G.. (2017). Chinese Diaspora in Russia. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 65-82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82

Строго говоря, совокупность китайских мигрантов в России не является диаспорой уже по следующей причине: диаспору образуют люди, постоянно, из поколения в поколение, проживающие в принявшей их стране – об этом говорится прямо или подразумевается по умолчанию фактически во всех определениях диаспоры. Между тем поток из Китая едва ли не целиком состоит из временных трудовых мигрантов – наемных рабочих, служащих и предпринимателей.

О мобильности состава китайского сообщества свидетельствуют и данные Пограничной службы ФСБ России: за 2010–2016 гг. на постоянное жительство из КНР в Россию прибыло всего 11,8 тысяч человек¹.

Однако в поведении этой текучей массы мигрантов если не полностью, то частично воспроизводятся некоторые принципиально важные свойства диаспоры. К ним относятся поддер-

жание чувства этнокультурного единства, тенденция к созданию организационных форм для своего функционирования и развития, в том числе землячеств, общественных организаций, органов печати и т.п. (которые, впрочем, зачастую не отличаются особой активностью или прочностью). Относительная длительность пребывания в стране значительной части мигрантов, формирование некоего устойчивого «ядра» дает возможность старожилам накопить опыт и передать его новичкам подобно тому, как это происходит в диаспорах. (В опросе, проведенном нами в 2007 г. среди китайских коммерсантов, оказалось, что 32% респондентов прожили в нашей стране более пяти лет).

В силу этого сходства, а также отсутствия более точного термина за китайским сообществом в России закрепилось удобное название «диаспора». Воспользуемся им и мы.

В 1990-е и «нулевые» годы едва ли не самой популярной темой среди населения в разговорах о международных делах была «китайская демографическая экспансия» в России. Массовому сознанию представлялось, что китайцы легальными и нелегальными способами переходят границу и расселяются по территории российского Дальнего Востока, приобретают недвижимость и постепенно становятся подлинными хозяевами края, покидаемого его населением. Об этом много материалов публиковали СМИ, об этом гудел Интернет.

Не было недостатка и в разоблачениях мифа о «китайской угрозе».

В настоящее время градус этих тревог резко понизился, что свидетельствует о целом ряде перемен в ситуа-

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации (статистические бюллетени). Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения: 10.10. 2017)

ции вокруг китайской диаспоры – времен экономических, геополитических, социально-психологических.

Начать с того, что люди попросту привыкли к присутствию китайских мигрантов, примирившись с тем, что их деятельность имеет как положительные, так и теневые стороны. Укреплению толерантности способствовало соседство богатого Китая, источника разнообразных товаров и других благ, с которым необходимо сотрудничать.

Далее, с 2007 г. российское правительство запретило иностранцам заниматься некоторыми видами розничной торговли, прежде всего на рынках, и, хотя не сразу, этот запрет был претворен в жизнь. В результате количество китайских торговцев – а большая часть китайцев занимались торговлей – существенно уменьшилось, и они перестали «мозолить глаза» обеспокоенным обывателям. Следующим шагом с теми же последствиями стало закрытие в 2009 г. крупнейшего в Европе центра китайской торговли – Черкизовского рынка.

Сильный удар по китайским мигрантам нанес экономический кри-

зис 2008–2009 гг. Правда, после кризиса численность въезжающих в Россию китайцев стала расти и в 2016 г. составила 1 565,5 тыс. чел. против 718,5 тыс. в 2009 г. Однако в связи с осложнением экономического положения страны одновременно стал увеличиваться и отток китайцев из России, отчего суммарный миграционный прирост за период после 2010 г. сделался отрицательным (Таблица 1). Резко негативную роль здесь сыграл обвал рубля, в том числе в отношении юаня, в 2014 г. И хотя миграционный оборот и после падения рубля продолжал увеличиваться, это произошло за счет краткосрочных туристических и шопинговых поездок, никак не похожих на опасный «китайский демографический наплыв». (В 2014 г. в Россию въехало 409,8 тысяч туристов из КНР, в 2015 г. – 677,6 тысяч, в 2016 г. – 890,7 тысяч²).

Наконец, в связи с украинским кризисом и изоляцией страны от Запада внимание россиян оказалось занято гораздо более серьезными проблемами, чем гипотетическая «китайская угроза». В условиях поворота на Восток уси-

Таблица 1. Миграция китайцев в Россию, 2010 – 2016 гг. (тыс. человек)

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Прибытие	747,6	845,6	979,0	1071,6	1125,1	1353,0	1565,5
Выбытие	747,5	847,0	978,1	1074,3	1126,9	1362,6	1565,5
Миграционный прирост	-0,1	-1,4	0,9	-2,7	-1,8	-9,6	0,0

Составлено по источнику: Численность и миграция населения Российской Федерации (статистические бюллетени). Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906. (Дата обращения: 10.10. 2017)

² Численность и миграция населения Российской Федерации (статистические бюллетени). Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906. (Дата обращения: 10.10. 2017)

лились доверие и симпатии к КНР. Так, в опросе, проведенном сотрудниками ИИАЭ ДВО РАН В.Л. Лариным и В.Л. Лариной на Дальнем Востоке в 2014–2015 гг., 76% респондентов назвали возможным источником угроз США и только 37% – КНР, тогда как в 2013 г. это соотношение было 55% и 50% (Ларин, Ларина, 2016, с. 16, 18, 23). Во всероссийском опросе ФОМ в 2015 г. только 27% опрошенных заявили, что Китай угрожает интересам России, и вдвое больше – 54% – решили, что нет, не угрожает³. В глобальном опросе американского социологического агентства PEW в 2015 г. положительный отзыв Китаю дали 79% респондентов-россиян, отрицательный – всего 14%. Всего за год до того, в 2014 г., показатели были заметно менее благожелательными для Китая: 64% и 28% соответственно⁴.

К этому необходимо добавить, что «предприятия с китайским капиталом неплохо вплетены в социальную ткань локальных сообществ и являются их неотъемлемой частью. Обеспечивается это за счет того, что более-менее успешные и значимые с точки зрения масштабов деятельности ПМК управляются российскими директорами, чаще всего уроженцами тех мест, где ведется бизнес. Именно они являются связующим звеном между интересами китайского бизнеса и интересами российских бюрократов» (Иванов и др., 2016, с. 27). Китайские и совместные предприятия стали понемногу принимать на работу местных жителей – и в качестве сельскохозяйственных рабочих, и на управленческие должности (бухгалтеры, юристы) (Зуенко, 2015), и на строительные специальности. В из-

вестной строительной компании «Хуафу» работают несколько сотен россиян (Чжоу Тяньхэ, 2016, с. 314). Предприятия с китайским капиталом посредством финансовой помощи участвуют также в решении местных социальных проблем (Иванов и др., 2016, с. 16–17).

Все это, вместе взятое, отодвинуло застарелый тезис о «китайской демографической угрозе» далеко на задний план. Одновременно ушел в небытие миф о том, что китайские мигранты – это дисциплинированная армия, направляемая Пекином с целью внедрения в российскую экономику и установления контроля над ее отраслями и территориями (такую гипотезу всерьез излагали некоторые авторитетные российские ученые, не смущаясь отсутствием сколько-нибудь убедительных доказательств). На самом деле Китай серьезнейшим образом заинтересован в экспорте своих трудовых ресурсов и поощряет его, но экспортом занимаются и государственные, и частные компании, а государство предоставляет зарубежным предпринимателям льготные кредиты и субсидии, а также оказывает желающим выехать на работу за границу поддержку, предоставляя информационные материалы и организуя профессиональную переподготовку (Иванов, 2014, с. 38).

На «страшилки» вроде вышеупомянутой эти факты никак не тянут.

В общей массе иностранных трудовых мигрантов удельный вес китайцев сравнительно невелик, хотя и превосходит долю мигрантов из любой другой страны дальнего зарубежья. По данным ФМС, число китайских мигрантов, имевших разрешение на работу,

3 Россия и США. Опрос ФО Мнибус 25 — 26 июля. *BD. FOM. RU: база данных интернет-газеты ФОМ*. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom3015/d301507>. (Дата обращения: 10.10.2017)

4 Pew Research Center. Global Attitudes and Trends. Global Indicators Database. URL: <http://www.pewglobal.org/database/indicator/24/country/181/> (Accessed: 11.10.2017)

составило на конец 2011 г. 6,8% от общего числа иностранных работников, на конец 2014 г. – 6,9%⁵. (Разумеется, в эти данные попадает лишь какая-то доля мигрантов, однако можно предположить, что для мигрантов из разных стран эта доля примерно одна и та же). На Дальнем Востоке доля китайского труда особенно высока. Так, в ЕАО среди мигрантов, работающих по разрешению, в 2015 г. на китайцев приходилось 97%, в Амурской области – 7%, в Приморском крае – 55%, в Хабаровском крае – 23% (Мищук, 2016, с. 272).

Труд китайских мигрантов, несмотря на их относительно небольшую численность, распространился по всем регионам России и играет существенную роль в экономике Дальнего Востока, способствуя решению важнейших хозяйственных проблем. Он позволяет выровнять дисбаланс на рынке труда, восполняет нехватку рабочей силы в непрестижных или низкооплачиваемых отраслях, дает возможность снизить издержки производства, получить дополнительную продукцию, увеличить прибыль. Китайские предприниматели уплачивают налоги, создают рабочие места, приобретают на местных рынках товары производственного назначения.

Китайские строители в качестве застройщиков, подрядчиков или даже просто наемных рабочих ведут работы во многих городах Сибири и Дальнего Востока, специализируясь главным образом на возведении крупных жилых и общественных зданий. На счету китайских строителей – жилые кварталы в Благовещенске, Иркутске, Хабаровске, а также Петербурге и других горо-

дах. Крупнейшая китайская строительная компания «Хуафу» в 2013 г. сдала в эксплуатацию более 16 тысяч кв. м. промышленно-гражданских зданий и также более 16 тысяч кв. м. жилых площадей (Чжоу Тяньхэ, 2016, с. 314). В Москве китайские строители участвовали в возведении Башни Федерации, а в ближайшее время начнут прокладывать новые линии метрополитена. В 2014 г. китайские застройщики были приглашены к участию в Госпрограмме строительства 25 млн кв. м. жилья по всей России⁶. Китайские строители возводят здания качественно, быстро и дешево, и это заставляет их российских коллег снижать монопольные цены.

Около двух тысяч китайских рабочих участвовали в прокладке нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан на его якутском участке. Они трудились также на сооружении объектов саммита АТЭС во Владивостоке. Это позволило обеим сторонам накопить опыт использования китайской рабочей силы на крупных стройках.

Китайские сельскохозяйственные работники заняты выращиванием как овощей, так и полевых культур: сои, зерна, в том числе в последнее время – риса (частью для внутреннего рынка, частью на экспорт в КНР), животноводством, переработкой сельскохозяйственной продукции, сбором даров природы. На 2010 г. (более поздних данных у нас нет) китайцы, по информации агентства «Синьхуа», арендовали в приграничных районах России 426,6 тысяч га сельскохозяйственных угодий. В частности, в 2010 г. администрация г. Муданьцзян получила в свое распоряжение 146,6 тыс. га

5 Труд и занятость в России. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm (Дата обращения: 10.10.2017)

6 Застройщики из Китая построят доступное жилье в России. РБК. 25.06.2014. URL: <https://realty.rbc.ru/news/577d24939a7947a78ce91d9c> (Дата обращения: 11.10.2017)

земли – на 42% больше, чем в предыдущем году⁷.

В последние годы мелкие и средние китайские предприниматели начали активнее осваивать такие сферы экономики, как: пищевое производство, игорный бизнес, ремонт автомобилей, торговля пиломатериалами, изготовление бытовых принадлежностей и даже судоремонт.

Наиболее, пожалуй, острый вопрос, связанный с китайскими мигрантами, – это вопрос о конкуренции их с российскими трудящимися. Вытесняют ли китайцы россиян с рабочих мест или занимают на рынке труда свободные ниши, куда россияне не идут из-за их непрестижности, или невысокой оплаты, или географически неудобного расположения, или где попросту не хватает российских рабочих рук? Создают ли возможность для работодателей урезать оплату труда наших граждан, предлагая более дешевый труд, высокую исполнительность и дисциплинированность и не претендуя на социальное обеспечение? На сей счет существуют полярно противоположные мнения, и это неудивительно, учитывая, что конкуренция в значительной мере носит латентный характер, а зона действия того или иного очага конкуренции может не иметь четких границ.

По нашему убеждению, в реальной экономической практике имеют место все названные варианты, и зондирование в разных точках хозяйственного механизма дает разные результаты. Однако в основном китайские мигранты заполняют те рабочие места, которые не заняты местным населением. Эта точка зрения подкрепляется иссле-

дованиями дальневосточных ученых. Расскажем здесь в качестве примеров о двух из них.

Ученый из Владивостока И.Ю. Зуенко провел опрос сотрудников администрации Смидовичского района ЕАО, выясняя их взгляды по поводу привлечения китайских крестьян для работы на российских полях. «По мнению опрошенных респондентов, – пишет он, – без этого нельзя. Население района невелико, проблемы безработицы в целом не существует (учитывая близость Хабаровска и Биробиджана), а зарплаты батраков не являются для местных жителей привлекательными» (Зуенко, 2015, с. 54).

Сотрудница Байкальского университета Е.М. Попова сосредоточила свое внимание на двух наиболее крупных проектах с китайским капиталом, осуществляемых в Забайкальском крае: строительстве лесоперерабатывающего комплекса и горнодобывающего предприятия. 75% работников на них – китайские граждане. С помощью полевых исследований Е.М. Попова обнаружила: хотя в Забайкальском крае в целом уровень безработицы достаточно высок, в районах вокруг данных инвестиционных объектов кандидатов на рабочие места среди местных безработных «либо нет, либо их количество значительно отстает от объема потребностей инвестпроектов» (Попова, 2017, с. 334).

Правда, остаются неиспользованными рабочие без постоянного источника дохода. А подготовка специалистов в крае охватывает лишь часть профессий, требующихся для проектов.

Таким образом, в первом случае никакого вытеснения российских рабочих китайскими не наблюдается, во

7 Полуниин А. Китай берет Россию в аренду. *Свободная пресса*. 01.06. 2010. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/25865/> (Дата обращения: 11.10.2017)

втором – если и можно говорить о «вытеснении», то лишь с очень большой натяжкой.

Вместе с тем в таких отраслях, как овощеводство, имеет место засилье производимой по обе стороны границы китайской продукции. В условиях пассивности властей оно оказывается губительным для российского сельскохозяйственного производства, но при этом выгодным для российского потребителя. Тем более что подчас никакой другой продукции, кроме китайской, ему и не предлагается. Задача развязать этот и многочисленные подобные ему узлы, касающиеся и предпринимателей, и наемных работников, давно стоит перед российской экономикой; она приобретает еще большую значимость в условиях сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

В создавшейся противоречивой ситуации в России сложился курс на ограничение внешней миграции. Региональные администрации из года в год снижают квоты на выдачу разрешений на работу. В октябре 2014 г. Минтруда предложило ограничить по всей стране использование иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте⁸. С 1 января 2015 г. вступил в силу закон об обязательной сдаче мигрантами для получения разрешений на работу экзаменов по русскому языку, истории СССР и основам российского законодательства. Были повышены пошлины, связанные с оформлением иностранных граждан на работу. Тогда же на рабо-

тодателя была возложена обязанность уплачивать за иностранных работников взносы в Пенсионный фонд РФ и Фонд социального страхования РФ⁹. В 2016 г. полпред президента в ДВФО Ю. Трутнев сделал принципиальное заявление: «Земля наша, решения принимаем мы, за нами последнее слово, и 80% работников в совместном проекте – это россияне, 20% – китайцы»¹⁰ (имея в виду 20% как максимум).

В этой политике сдерживания внешней миграции явственно просматриваются и социально-экономические мотивы (стремление обеспечить для своих граждан преимущества в трудоустройстве), и геополитические соображения, и более мелкие стимулы (желание выжать из сферы миграции максимальный доход в госбюджет), и т.д.

Пока трудно определить, в какой мере ограничение притока мигрантов позволит смягчить проблему занятости россиян, однако практика подсказывает, что сколько-нибудь значительное сокращение китайской (вообще иностранной) рабочей силы в настоящее время едва ли возможно без ущерба для функционирования уже налаженных экономических механизмов. Сокращение квот и другие ограничительные меры создают дополнительные трудности для предпринимателей, в том числе китайских, ухудшая и без того неблагоприятный инвестиционный климат в стране. В первую очередь это относится, очевидно, к малому и среднему бизнесу, которым мало интересуются региональные власти, ориентирующиеся

8 Панов П. Правительство вводит новые ограничения на работу мигрантов. *Известия*. 29.10.2014. URL: <http://izvestia.ru/news/578502> (Дата обращения: 11.10.2017)

9 О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» и отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ (принят ГД ФС РФ 14.11.2014). *Интернет-портал «Российской газеты»*. 27.11.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/11/27/inostr-dok.html> (Дата обращения: 11.10.2017)

10 «Мы сильная страна. Чего нам бояться». Интервью полпреда президента РФ в Дальневосточном округе Юрия Трутнева. *Газета.ру*. 04.09.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/09/04/10175789.shtml>. (Дата обращения: 11.10.2017)

на крупные инвестиционные проекты федерального уровня, и для которого мало что могут сделать органы местного самоуправления.

Что же касается обобщенной картины тех условий, с которыми сталкивается в России основная масса китайских бизнесменов, то мы попытаемся здесь посмотреть на нее глазами самих бизнесменов. Надо признать, китайские эксперты и представители бизнеса, проявляя завидную политкорректность, не склонны на публичке критиковать нашу страну, хотя, конечно, прекрасно осведомлены о положении дел в ее экономике (и ее дефектах). Они предпочитают говорить о «специфических чертах» инвестиционного климата России, значительно отличающих ее от других стран, о «своеобразии мышления» российских предпринимателей, стараются избегать критического тона. Однако в китайской прессе можно встретить и достаточно откровенные аналитические статьи, посвященные проблемам инвестирования в России.

Одну из статей такого рода: «Инвестиции китайских предприятий в России: риски и их предупреждение» написал сотрудник Института управления экономикой Даляньского университета Чжэн Сюэпин. Статья примечательна тем, что, будучи опубликована в 2010 г. в харбинском журнале «Сиболияньцзю» («Изучение Сибири») (Чжэн, 2010), была замечена общественностью, в течение нескольких лет воспроизводилась и цитировалась на различных сайтах Интернета, была занесена в MBA Library¹¹ и послужила исходным

образцом для целого ряда статей похожего типа, вплоть до самых свежих, увязанных с концепцией «Одни пояс, один путь»¹². В исходной статье описывается инвестиционный климат в его «исконном» виде, очищенный от дефектов, которые можно было бы списать на конъюнктуру последних лет. Автор рассказывает о рисках, представляющих собой «следствие несовершенства законодательной базы, слабости финансовой системы, усложненности налоговых правил, коррупции, цивилизационных различий» (Чжэн, 2010, с. 43). Он делит риски на несколько групп. Коротко скажем о важнейших из них.

Риски государственного уровня. Это полная или частичная национализация капитала, угрозы, связанные с нестабильностью в правительственных кругах, борьбой между различными группами интересов. В качестве примеров Чжэн Сюэпин приводит дело ЮКОСа, конфликт с консорциумом Sakhalin Energy по поводу осуществления проекта «Сахалин-2», отказ от продажи Китаю нефтяной компании «Славнефть» и т.д.

Юридические риски. Существуют серьезные расхождения между федеральными и местными законами для иностранных инвесторов; процедуры подачи и утверждения заявок многозвенные и сложные, правила уплаты налогов также чрезмерно сложны; правоприменительные органы часто заражены коррупцией, эффективность работы различных ведомств низка; при переводе в Китай прибыли или доходов от акций взимается пошлина в размере 10%.

11 MBA Library – коллекция книг и статей для обучающихся по программе MBA. URL: <http://doc.mbalib.com/view/29ff5b4f053e8e7535f3aa9a4401a845.html>. (Accessed: 11.10.2017).

12 См., напр., Лун Сюэ. И дай и лу чжэньлюэ ся чжунго дуй Э чжицзе тоу цзы фэнсянь юй дуйцэ [Прямые китайские инвестиции в России: анализ рисков и контрмеры в рамках стратегии «Один пояс, один путь»]. Чжун Э цзысюнь ван. 08.06. 2017. URL: <http://www.chinaru.info/zhongjingmao/lubuhuilv/48235.shtml> (Дата обращения: 11.10.2017) (на китайском языке).

Экономические риски, вызванные несбалансированностью структуры российской экономики, нестабильностью рубля, инфляцией.

Риски дискриминационного характера, существующие, несмотря на то, что по российским законам к иностранным инвесторам нельзя предъявлять требования сверх тех, которые предъявляются к своим. Дискриминация китайских компаний проявляется, в частности, в незаконных проверках их деятельности, завышении пошлин за выдачу виз, сокращении сроков пребывания в стране китайских рабочих-мигрантов, двойном налогообложении вопреки соответствующим соглашениям.

Социальные риски. Сюда относятся различные проявления ксенофобии, живучесть представлений о «китайской угрозе», деятельность скинхедов. И, наконец, коррупция, с которой «китайские инвесторы сталкиваются неизбежно»: автор без оглядок на политкорректность пишет о том, что она существует на всех уровнях, что в России коррупционные группы «контролируют правительственные ведомства, подкупают парламентариев» и т.д.

Заметим, что мнения вроде вышеприведенных нигде и никем не оспариваются.

Неспособность российских властей создать благоприятные условия для китайского бизнеса логично сочетается с их неумением наладить должный контроль за его деятельностью, которая в итоге подчас выпадает из поля зрения властей, приобретает стихийный характер и никому не ведомые размеры. В качестве примера сошлемся на выступление губернатора ЕАО А. Левентая на Петербургском международном экономическом форуме: «Когда меня назна-

чил президент, ко мне кинулись инвесторы: мы знаем, что вы – сельскохозяйственная территория, будем развивать сельское хозяйство. Но в управлении сельского хозяйства мне сказали, что земли для инвестиционных проектов нет. Потому что вся земля роздана на лоскутки, порезана. Где-то есть российские фермеры, но, по моим данным, 80% земли контролируется китайцами: законно, незаконно, разными способами. В результате сельское хозяйство идет в тупик, к катастрофе. 85% земель засаживается соей – культурой, которая убивает землю, если два-три года ее сажать»¹³.

Мало того, согласно свидетельствам многих авторитетных специалистов, в том числе официальных лиц, китайские земледельцы широко применяют в своей практике запрещенные химические удобрения и ядохимикаты, в том числе незаконно ввозимые из Китая. Таким образом, они производят опасную для здоровья продукцию и отравляют почву. Подчеркнем: по убеждению некоторых экспертов, это может относиться лишь к части китайских крестьян, тогда как другая часть работает честно, а представления о хищнической эксплуатации земли являются преувеличениями (Иванов и др., 2016). В проверках работы китайских аграриев, кажется, нет недостатка. Их проверяют Россельхознадзор, ФСБ, прокуратура, нарушителям выносятся предупреждения и требования устранить нарушения, на них накладываются штрафы. Однако нам ни разу не довелось услышать о фактах пресечения этой преступной деятельности, о наказании преступников или о высылке их в Китай. Российские органы власти почему-то оказываются бессильны остановить эти наруше-

13 Губернатор Еврейской АО: Китайцы контролируют восемьдесят процентов земель региона. *Newsinfo*. URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2017-05-09/item/781352/> (Дата обращения: 11.10.2017)

ния закона, чем, кстати сказать, навлекают на себя подозрения в коррупции, поскольку в России хорошо знают, как строятся отношения между бизнесом и проверяющими структурами¹⁴.

Особого внимания заслуживают эпизоды, связанные с попытками местных властей сдать сельскохозяйственные угодья в аренду китайским фирмам на длительные сроки – 40–49 лет, что вызывает резкие протесты российской общественности. Одна из таких попыток имела место в 2006 г. в Нижегородской области. Ее руководители по предложению китайской стороны решили принять у себя крестьян из КНР для выращивания овощей и разведения рыбы, предоставив им в аренду на сорок лет соответствующие сельскохозяйственные угодья. Привлекательность идеи была прямо связана с наличием в области обезлюдивших сельских территорий: за годы реформ население области сократилось до 600 тыс. человек, уменьшившись почти на 100 тысяч. Девятнадцать районов области прислали заявки на 100–700 сельскохозяйственных рабочих из КНР, обещая предоставить им пустующие дома или построить новые.

Однако инициатива властей натолкнулась на серьезное сопротивление снизу, едва общественность узнала о ней (из прессы, а не от чиновников, что усугубило ситуацию). В прессе появились критические материалы. Группа нижегородцев направила губернатору письмо с просьбой отказаться от плана завоза китайцев, отмечая, что это приведет к возникновению конкуренции на рынке труда, повышению межэтнической и социальной напряженности, наконец, к оседанию китайских крестьян на российской земле и после-

дующему росту китайской диаспоры. В унисон с авторами письма высказались несколько депутатов Госдумы и областного Законодательного собрания. Дело кончилось тем, что администрация области отказалась от задуманного плана (Ларин, 2009, с. 220).

В июне 2015 г. правительство Забайкальского края и китайская компания «Хуа Э Синбан» подписали протокол о намерении, согласно которому компания получала в аренду по скромной цене на 49 лет 115 тысяч га сельскохозяйственных угодий с перспективой увеличить их размеры до 200 тысяч.

В результате возражений широкой общественности эта попытка не удалась, но остались открытыми вопросы к местной власти:

- Как она собиралась контролировать соблюдение арендаторами агротехнических норм?
- Почему в планировавшемся совместном предприятии российская сторона намеревалась ограничиться долей 25%, что лишало ее возможности полноценно управлять предприятием?
- Учитывает ли местная власть, что после полувекового проживания на арендованной земле китайские крестьяне, скорее всего, не захотят покинуть ее и будут добиваться через свое правительство разрешения остаться в России?
- Разумно ли вообще, что местная власть наделена правами распоряжаться землей подобным образом?

А дальше возникают вопросы к федеральной власти: почему она заняла выжидательную позицию и не дала четкой оценки сложившейся ситуации?

14 О хищническом использовании китайскими мигрантами российских сельскохозяйственных угодий см., напр., (Гельбрас, 2016).

Земля с ее богатствами воспринимается в народе как жизненное пространство нации, залог ее суверенитета. Поэтому нет ничего удивительного, что общественное мнение бурно реагирует на сомнительные манипуляции власти с землей. В Казахстане в 2009 г. опубликование плана президента Назарбаева сдать в аренду китайским компаниям большие площади пахотных земель (по некоторым данным, миллион гектаров на 25 лет) вызвала волну протестных публикаций, митингов, петиций (Садовская, 2014, с. 325). В ходе обсуждений российские специалисты и фермеры не раз отмечали, что при наличии соответствующей материальной помощи со стороны государства сами могли бы справиться с обработкой сдаваемых в аренду площадей. Заслуженный агроном России, депутат Народного Хурала Бурятии Анатолий Кушнарев заявляет: «Я верю, что наши земляки способны вытеснить с рынка китайские овощи и удовлетворить потребности в них жителей республики»¹⁵. Далее он предсказывает, что через несколько лет из-за недостатка воды в Китае его жителям придется импортировать овощи из России. «Здесь есть два подхода: либо они присылают сюда своих рабочих, что чревато определенными проблемами, либо вкладывают инвестиции в наше сельское хозяйство, контролируют их использование и забирают полученную продукцию в Китай. Мне второй подход нравится больше»¹⁶.

Между тем в российских чиновных структурах вызревают все новые планы сдачи в долгосрочную аренду

Китаю сельскохозяйственных и лесных угодий. На 2017 г. объявлена передача китайской стороне на 49 лет территории, равной 40% Тунгиро-Олекминского района (Забайкальский край), для заготовки древесины¹⁷. Такого рода планы вызывают у россиян понятную тревогу. Беспокоит не аренда сама по себе, а доказанная опытом неспособность российских чиновников организовать четкий контроль и добиться рационального использования переданных в чужие руки природных богатств страны. А уж о том, чтобы наладить их разработку собственными силами, пусть и с привлечением иностранного труда, нет и речи: это для наших хозяйственников, по видимому, непосильная задача. Свалить с себя на соседа основные хлопоты, а самим без особых забот получать природную ренту, хотя бы и скромную, – вот их стратегическая линия. Это – стратегия растраты природных богатств, которую необходимо заменить стратегией раскрытия трудового потенциала российской нации.

Наряду с трудовой миграцией в РФ самое последнее время стала понемногу набирать вес другая категория миграции: инвестиционная. Мы имеем в виду резидентов открывающихся с 2014 г. ТОРов. Пока иностранных резидентов в ТОРах немного, но китайских среди них – больше половины. На январь 2017 г. на 14 ТОРах на Дальнем Востоке заявки на статус резидента подали 228 компаний, в том числе 27 иностранных, а из них 13 – это компании из КНР¹⁸. Насколько успешны

15 Халбашкеев А. Родное – лучше. *Мир Байкала*. 2015. 3 (37). С. 108.

16 Там же. С. 109.

17 См. напр., Кузин А. Север Забайкалья отдали китайцам? *Забмедиа*. 29.02.2016. URL: https://zab.ru/articles/4585_sever_zabajkalya_otdali_kitajcam. (Дата обращения: 17.09.2017)

18 Территории опережающего развития – промежуточные итоги. Российский союз промышленников и предпринимателей. Координационный совет в Дальневосточном федеральном округе. 19.01.2017. URL: <http://rspdfo.ru/events/2017/01/19/prozmezhtochnye-itogi-sozdaniya-na-dalнем-vostoke-/> (Дата обращения: 17.09.2017)

ми окажутся ТОРы, говорить еще рано. Но права и льготы, предоставляемые там иностранцам, уже вызвали серьезные опасения насчет «тихой оккупации» российского Дальнего Востока, причем не только среди рядовых граждан, но и среди членов Общественной палаты Совета Федерации и депутатов Госдумы (например, В.Г. Юрчика¹⁹). Нам кажется, к этим опасениям не следует относиться пренебрежительно. Даже будучи преувеличенными, они лишний раз напоминают властям предрекшим о необходимости строго оберегать экономический суверенитет страны, не превращая его в разменную монету ради краткосрочных выгод.

Идеи евразийской интеграции дают импульс расширению еще одного вида миграции – образовательных обменов между Россией и Китаем. В настоящее время объем этих обменов невелик: в России на сегодняшний день обучаются 26 тысяч китайских студентов, в Китае проходят обучение более 17 тысяч студентов из России²⁰ (в США – 304 тысячи студентов из Китая). Российскими специалистами предложена серия мер с целью привлечения большего числа молодых китайцев к учебе в нашей стране (Боровская, 2017; Смирнова, 2016). В их числе: стыковка образовательных стандартов (дипломов, ступеней обучения, званий) и построение в конечном счете единого формата образовательного евразийского пространства; создание совместных учебных заведений, примером че-

го может служить проект открытия в Шэньчжэне совместного университета МГУ и Пекинского политехнического института; организация в университетах научно-образовательных и технических кластеров с участием иностранных ученых и студентов (на Восточном экономическом форуме в 2016 г. президент В.В. Путин предложил создать международный кластер такого рода на острове Русский на площадке Владивостокского университета²¹) и т.д.

Вместе с тем необходимо понимать, что имеются фундаментальные факторы, существенным образом ограничивающие приток к нам иностранных студентов. Главный состоит в том, что диплом российского вуза, в отличие, скажем, от американского, дает молодому выпускнику слишком мало шансов преуспеть в жизни – за границей или у себя на родине. Этот фактор складывается из целого ряда взаимосвязанных обстоятельств. В конечном итоге он сводится к общему отставанию России от темпов научно-технического прогресса, а отсюда, как частное следствие, и к невеселому положению дел в сфере образования. Так, плохое преподавание русского языка закрывает студенту дорогу к овладению избранной специальностью; соответственно, у студента пропадает желание учиться всерьез, и он переориентируется на получение диплома любыми способами, поскольку российский диплом в КНР признается.

19 Юрчик В.Г. Наступление китайцев на Сибирь и Дальний Восток. *Красноярское время*. URL: <http://krasvremya.ru/yurchik-nastuplenie-kitaychev-na-sibir-i-dalnij-vostok/> (Дата обращения: 17.09.2017)

20 Голодец: Россия и Китай будут обучать по обмену до 100 тысяч студентов // *Федеральное агентство новостей*. 09.10.2015. URL: <https://riafan.ru/432585-golodets-rossiya-i-kitay-budut-obuchat-po-obmenu-do-100-tyisyach-studentov>. (Дата обращения: 11.10.2017)

21 Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 3 сентября 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808> (Дата обращения: 11.10.2017)

Это расхолаживает его преподавателей и т.д.²².

К российскому образованию официально относятся в Китае с уважением, но фактически оно распространяется лишь на несколько специальностей. Так, список специальностей, «наилучшим образом подходящих для китайских студентов» на 2016 г., по версии одной из авторитетных консалтинговых компаний, выглядит следующим образом: медицина, русский язык, живопись, авиация и космонавтика, нефтяная промышленность, музыка²³.

В свете всего этого высказанная правительственными фигурами РФ идея к 2020 г. довести ежегодный обмен студентами с Китаем до 100 тысяч с каждой стороны²⁴ выглядит чисто политической акцией, не проработанной в практическом плане. С помощью искусственных приемов эту планку можно взять или, по крайней мере, приблизиться к ней, создав, например, множество краткосрочных языковых курсов, которые долго не продержатся. Однако польза такого рода деятельности вызывает обоснованные сомнения.

Если говорить об основной массе китайских мигрантов – о трудовых мигрантах: мелких и средних предпринимателях, строителях, сельскохозяйственных рабочих – в аналитическом докладе, подготовленном группой дальневосточных ученых (Иванов и др., 2016), приведена таблица, в которой показаны представления сотру-

дников местных администраций (порозно в трех субъектах Федерации) о позитивных и негативных сторонах Китая и китайских мигрантов с точки зрения регионального развития. И плюсы, и минусы образуют там достаточно длинные списки, хотя в целом чиновники явственно выражают удовлетворение результатами сотрудничества с китайскими предпринимателями. Если же выделить из таблицы факторы, относящиеся именно к мигрантам, то окажется, что в положительной «зоне возможностей» Китай фигурирует один раз – как источник дешевой рабочей силы. В негативной же «зоне рисков» Китай отмечен как:

- «конкурент в области сельского хозяйства»;
- «источник угрозы вытесняющей миграции за счет притока граждан КНР»;
- «источник угрозы применения китайскими трудовыми мигрантами сельскохозяйственных технологий, приводящих к полному истощению земель»;
- «источник угрозы снижения качества жизни населения в силу конкуренции с китайскими мигрантами и ухудшения экологии»;
- «источник угрозы нелегального освоения лесных ресурсов области»;
- «КНР проводит политику на трудоустройство за рубежом низкоквалифицированных кадров, максимальное снижение барьеров для вывоза в Россию товаров и людей».

22 Подробнее см. (Ларин, 2009).

23 2016 ньянэ элосы лю сюэ цзуй шихэ чжунго сюэшен ды чжуанье [Специальности, наиболее подходящие китайским студентам для изучения в России в 2016 г.]. Цяньту чу го. 03.05.2016. URL: <http://liuxue.xdf.cn/Russia/undergraduate/zxzx/731276.shtml>. (Дата обращения: 10.11.2017) (на китайском языке). Статья опубликована на сайте крупнейшей консалтинговой компании Синь дунфан цяньту чу го [Новый Восток. Перспективы выезда за границу], специализирующейся на вопросах обучения за границей и имеющей представительства во многих странах.

24 Голодец: Россия и Китай будут обучать по обмену до 100 тысяч студентов. *Федеральное агентство новостей*. 09.10.2015. URL: <https://riafan.ru/432585-golodets-rossiya-i-kitay-budut-obuchat-po-obmenu-do-100-tyisyach-studentov>. (Дата обращения: 10.11.2017)

Тем не менее, несмотря на обилие рисков, сегодня уже никто, в том числе и авторы вышеприведенных ответов, не ставит в практической плоскости вопрос о том, чтобы обойтись без китайских мигрантов или, во всяком случае, значительно сократить их число.

Мнение, что без китайских мигрантов жизнь населения российского Дальнего Востока будто бы станет лучше, выглядит необоснованным. Кризисное состояние экономики российского Дальнего Востока и отток местного населения обусловлены комплексом фундаментальных факторов, никак не связанных с китайскими мигрантами. К тому же не стоит забывать: эта часть России находится в глубокой экономической зависимости от торгово-экономического обмена с КНР.

Другое дело, что на восточной окраине страны необходимо поддерживать определенный демографический баланс, и он на данное время сохраняется, что видно, если сопоставить численность российского населения в ДВФО – 6,18 млн человек²⁵ и китайской диаспоры (по экспертным оценкам, не более 400 тысяч человек). Если же удастся остановить миграцию россиян с Дальнего Востока – о первых успехах на этом направлении В.В. Путин говорил на Восточном экономическом форуме в 2016 г.²⁶ – то демографическая безопасность этого региона станет еще более надежной.

Вопрос о демографическом наполнении и обеспечении демографической безопасности региона приобретает особую актуальность в свете начинающегося процесса сопряжения Евразий-

ского Экономического союза и Экономической полосы Шелкового пути. Оно предполагает, что, по всей видимости, объем китайской миграции возрастет: ведь экономическое сотрудничество России и Китая будет расширяться, должно увеличиться количество совместных проектов, предполагается значительно повысить производство в стране сельскохозяйственной продукции, в том числе на экспорт в КНР. Реализация всех этих планов подразумевает привлечение дополнительных трудовых ресурсов из Китая.

Взрывное увеличение притока китайских мигрантов может произойти, если представители ЕАЭС и КНР на текущих переговорах о заключении всеобъемлющего торгового соглашения вдруг договорятся о создании общей зоны свободной торговли. Китай добивается создания такой зоны с Россией уже давно. В 2002 г. он как член ВТО потребовал от России согласия на «свободный обмен товарами, услугами и рабочей силой» в качестве одного из условий ее приема в ВТО, правда успеха не добился; аналогичное предложение в том же году было включено в перечень основных направлений сотрудничества в Хартии ШОС. Пункт о ЗСТ был зафиксирован в Совместном заявлении о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭППП (2015 г.) и, соответственно, включен в повестку названных переговоров. Однако, как выяснилось в ходе переговоров, условия для создания ЗСТ «еще не созрели», и, таким образом, реализация китайской идеи отодвигается в отдаленное будущее. При сохранении же нынешних визовых и таможенных систем количе-

25 См. Бюллетень «Численность и миграция населения РФ в 2016 г.». Выпуск 2017 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения: 10.11.2017)

26 Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 3 сентября 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808> (Дата обращения: 10.11.2017)

ственные изменения миграционного потока из КНР будут зависеть главным образом от миграционной политики российского правительства и от экономической конъюнктуры в России.

Большинство негативных факторов, проистекающих из деятельности китайских мигрантов, можно устранить или сильно смягчить, если наладить четкий контроль и регулирование их численности и их работы, не допуская, чтобы экономике страны и здоровью ее жителей наносился ущерб. Но возможно ли организовать такое регулирование, не внося серьезных изменений в нашу систему управления экономикой?

Стратегическая задача государства должна, по всей видимости, состоять в том, чтобы радикально усовершенствовать национальную экономику, сделать ее способной воспринимать инновации и порождать их, оздоровить инвестиционный климат, вернуть сельское население к полноценному созидательному труду, что в высшей степени отвечает потребностям демографической и экономической безопасности и в конечном счете является наиболее выгодной моделью экономического развития страны. Это не избавит нас от необходимости прибегать к иностранному труду, в том числе китайскому, но откроет возможности для его более эффективного и гармоничного использования.

Список литературы

- Боревская Н.Е. (2017). Образовательное сотрудничество РФ и КНР: новые тренды на новом этапе. Лузянин С.Г. (ред). *Современные российско-китайские отношения*. М.: ДеЛи. 202–224.
- Гельбрас В.Г. (2016). Китайская трудовая миграция в Россию. *Азия и Африка сегодня*, (5). 50–54
- Зуенко И.Ю. (2015). Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы. *Известия Восточного Института*, 2 (26). 51–59.
- Иванов С.А. (2014). Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае. *Ойкумена*, (4). С. 35–46.
- Иванов С.А. [и др.]. (2016). *Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад*. Владивосток. 29. URL: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf> (Дата обращения: 11.10.2017)
- Ларин А.Г. (2009). *Китайские мигранты в России. История и современность*. М.: Восточная книга. 511.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л. (2016). Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014–2015 гг.), *Россия и АТР*, (1). 5–29.
- Мищук С.Н. (2016). Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока. *Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. Материалы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.)*. Выпуск 6. Благовещенск: БГПУ. 271–274.
- Попова Е.М. (2017). Оценка перспектив замещения иностранной рабочей силы местными трудовыми ресурсами на инвестиционных проектах, реализуемых с участием китайского капитала. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. (Благовещенск – Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.)*. Выпуск 7. Благовещенск: БГПУ. 332–336.
- Садовская Е.Ю. (2014). *Китайская миграция в Республику Казахстан: тра-*

диции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. Алматы: Раритет. 443.

Смирнова Л.Н. (2016). Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая. *Аналитическая записка РСМД*, (3). 12. URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf (Дата обращения: 11.10.2017)

Чжоу Тяньхэ. (2016). Особенности строительного и инвестиционного бизнеса компании «Хуафу» на Дальнем Востоке России. *Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. Материалы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.). Выпуск 6.* Благовещенск: БГПУ. 312–314.

Чжэн Сюэпин. (2010). Чжунго цие дуй Э чжицзе тоу цзы дэ фэнсянь цзи ци фанфань [Прямые инвестиции китайских предприятий в России: риски и их предупреждение]. *Сиболия яньцзю*, 37 (5). 43–49. (на китайском языке)

References

Borevskaya N.E. (2017). Educational cooperation between the Russian Federation and the PRC: new trends at a new stage. Luzyanin S.G. (ed.). *Modern Russian-Chinese relations*. Moskva: DeLi. 202–224.

Gel'bras V.G. (2016). Chinese labor migration in Russia. *Aziya i Afrika segodnya*, (5). 50–54

Ivanov S.A. (2014). Migration of Chinese capital and labor in the Primorsky Region. *Oikumena*, (4). S. 35–46.

Ivanov S.A. [et al.]. (2016). *Chinese capital in the south of the Far East of Russia: the expectations of the state and the realities of interaction. Analytical report.* Vladivostok. 29. URL: <http://ihaefe.org/files/ana->

[lytics/chinese-capital-on-fe.pdf](http://ihaefe.org/files/ana-lytics/chinese-capital-on-fe.pdf) (Accessed: 11.10.2017)

Larin A.G. (2009). *Chinese migrants in Russia. History and modernity*. Moskva: Vostochnaya kniga. 511.

Larin V.L., Larina L.L. (2016). The expert community of Pacific Russia on foreign policy, international relations and the development of the Far East (based on the results of the survey 2014–2015), *Rossiya i ATR*, (1). 5–29.

Mishchuk S.N. (2016). The role of Chinese labor migrants in the socio-economic development of the southern regions of the Far East. *Russia and China. History and prospects of cooperation. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk-Heihe, May 16–18, 2016). Issue 6.* Blagoveshchensk: BGPU. 271–274.

Popova E.M. (2017). Evaluation of the prospects for replacing foreign labor with local labor resources in the investment projects implemented with the participation of Chinese capital. *Russia and China: history and prospects for cooperation. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. (Blagoveshchensk-Heihe, May 22–23, 2017). Issue 7.* Blagoveshchensk: BGPU. 332–336.

Sadovskaya E.Yu. (2014). *Chinese migration to the Republic of Kazakhstan: Silk Road traditions and new vectors of cooperation*. Алматы: Раритет. 443.

Smirnova L.N. (2016). Scientific and educational cooperation is the basis of the innovative model of relations between Russia and China. *Analiticheskaya zapiska RSMD*, (3). 12. URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf (Accessed: 11.10.2017)

Zheng Xueping. (2010). Chzhunguo tsie dui E chzhitsze tou tszy de fensyan' tszi tsi fanfan' [Direct investments of Chinese enterprises in Russia: risks and their prevention]. *Siboliya yan'tszyu*, 37 (5). 43–49. (in Chinese)

Zhou Tianhe. (2016). Features of the construction and investment business of the company “HuaFu” in the Far East of Russia. *Russia and China. History and prospects of cooperation. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk-Heihe, May 16–18, 2016)*. Issue 6. Blagoveshchensk: BGPU. 312–314.

Zuenko I. Yu. (2015). The Chinese presence in the agriculture of the Far East: some aspects of the problem. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, 2 (26). 51–59.

Информация об авторе

Александр Георгиевич Ларин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока, Российская академия наук

117997, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32
aleklarin@yandex.ru

About the Author

Alexander G. Larin, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

32, pr. Nakhimovsky, Moscow, Russian Federation, 117997
aleklarin@yandex.ru